

28.12.97

Майский Михаил

Но сегодня здесь играют для него. Суд Рихтера, еще недавно бывший высшей инстанцией для российских музыкантов, уже и номинально – часть Высшего суда (да простится эта невольная тавтология). Поскольку фестиваль называется «Декабрьские вечера Святослава Рихтера», музыканты невольно переносят нас на подторг два часа к Мастеру – и обратно.

Рихтер очень любил обновлять ежегодное «лицо» фестиваля – от размещения сцены и зрительских мест в Белом зале до концепции действия и, разумеется, подбора исполнителей. Поэтому сегодня в «МН» – те, кто впервые выступает на «Декабрьских вечерах».

ГРАЖДАНИН МИРА МАЙСКИЙ

– Я очень люблю числа, верю в совпадения, но, к счастью, музыка не имеет никакого отношения к компьютеру.

Миша Майский уроженец Риги (год разницы с Гидоном Кремером), ученик Ростроповича и Пятигорского, представил с пианистом Павлом Гилиловым программу «Песни... без слов», где, по его словам, «просто убрал текст» в вокальных произведениях Шуберта и Брамса. Холодно-отрешенный тон программы, кажется, еще раз подчеркивал, что расхожее определение «праздник музыки» для «Декабрьских» уже никогда не будет верным – что праздновать? То, что именно любимый Мастером Шуберт стоял на пюпитре рояля на даче на Николиной Горе 1 августа этого года!..

Несколько необычный для российского слушателя концертный облик Миши – черные брюки клеш, черная шелковая рубашка, мокасины – не в диковинку на Западе: достаточно вспомнить водолазки Владимира Ашкенази или подтяжки Найджела Кеннеди. Однако Миша не причисляет себя к числу «классиков с имиджем».

– Все это неверно воспринимают. Я делаю это потому, что убежден: концерт – не выставка моды. Я не выхожу на сцену, чтобы продемон-

Моей. повести. Суд Рихтера

-1997-

21-28 дек. с. 21 «ДЕКАБРЬСКИЕ ВЕЧЕРА»

На «Декабрьские вечера» попасть, как всегда, трудно. Еще труднее отогнать от себя мысль, что в этом зале играл Рихтер, а в соседнем – с ним летом прощались.

стрировать мой замечательный фрак от Кристиана Диора или смокинг от Джорджо Армани, – я надеваю то, в чем чувствую себя свободно, в чем я могу лучше отдаваться музыке. То есть я экспериментирую с одеждой из чисто практических целей – мне безумно неудобно играть на виолончели во фраке с бабочкой. Вместе с тем, поскольку мне стали задавать очень много вопросов по этому поводу, я начал задумываться: может быть, подсознательно это протест против некоего консерватизма. В классическом бизнесе – не в музыке, подчеркиваю, а в бизнесе вокруг, не – словом, Старомодность эта отпугивает молодежь; представляете, у них есть шанс послушать музыку, но они видят оркестр, одетый, как сто пингвинов, и все: аллергия, «это скучно и не для нас». То же с длинными волосами. Видимо, подсознательная реакция на четырехмесячную стрижку наголо в Бутырской тюрьме. Но если все это привлекает молодежь на мои концерты, я очень рад.

– Родная Рига, как «сгусток» культур, сыграла какую-то роль в вашей музыке?

– Не знаю, не знаю (протяжно). Я человек мира и не принадлежу к одному месту и... и я вот не вижу моего пальто.

МУЗЫКАНТ ПО ИМЕНИ ИГНАТ

Игнату Солженицыну – пианисту в тот вечер было трудно вдвойне – к обычному грузу имени добавились время и место. Однако редко звуча-

щие здесь Четыре баллады Брамса прозвучали. Шел на концерт сына – попал к музыканту. Повезло...

– Вы причисляете себя к какой-либо исполнительской школе – русской, американской, европейской?

– Нет, я считаю, что подобное деление в конце XX века стало бессмысленным. Смотрите: такие имена, как Рахманинов, Рихтер и Горовиц, традиционно причисляются к русской школе – абсолютно разные художники. Я пытаюсь звучать соответственно происхождению композитора: если это Шуберт, то по-австрийски, если Рахманинов – по-русски...

– Ваш музыкальный «крестный» – Ростропович. Имена ваших учителей также известны – Мария Курчо, ученица Артура Шнабеля, и дирижер Отто-Вернер Мюллер. Но ведь учиться музыке можно не только у музыкантов. Был ли среди ваших учителей Александр Солженицын?

– Только в той степени, в какой наш жизненный опыт влияет на то, какие мы есть и чем становимся. Естественно, в музыке это тоже проявляется – в том, что и как мы выражаем на сцене. И папа, и мама у меня – люди с очень сильной волей и ясными представлениями о жизни, поэтому их влияние очень велико. Но прямо музыкой со мной никто из них не занимался.

– Как вам игралось на этой сцене – не страшно было выходить с рихтеровским репертуаром?

– Понимаете, Рихтер в общении был настоль-

ко светлый и скромный человек, что страха перед ним нет, а есть только музыкантское преклонение. Конечно, этот фестиваль в полном смысле его дитя, здесь он все создал своими руками... Что же касается репертуара, то я не слышал Рихтера именно с этими сочинениями, но в любом случае нужна храбрость иметь собственные убеждения. В конце концов Рихтер тоже человек, как и все мы. Со мной играли прекрасные тонкие музыканты (три Александра – Тростянский, Галковский и Корчагин и Рустем Габдуллин. – Ю. В.), с которыми стало возможным собрать эту программу «с полутора репетиций».

– А как вы выступаете по миру – с маркой «США» или «Россия»?

– Я вам сейчас смешную вещь расскажу: в один из первых моих приездов сюда, идя по городу, увидел афиши: «Игнат Солженицын, США».

Для меня это выглядело совершенно абсурдом. Да, у меня американский паспорт, ну и что? Вообще во всем мире практика указания страны почти не используется. В моем случае это имеет весьма сомнительный смысл, так что, если когда-нибудь увидите нечто подобное, знайте – это ошибка.

А потом мы говорили с Ириной Антоновой, директором Пушкинского и хранилищцей «Вечеров». Я поинтересовался, не было ли мысли отпустить фестиваль вслед погребальному кортежу Мастера. «Нет, ни в коем случае», – отве-

тила Ирина Александровна и стала говорить о том, что «людям надо постоянно напоминать, иначе они все забывают», что «создан Совет фестиваля, куда вошли близкие друзья Святослава Теофиловича», что «музыка остается»... Потом остановилась – и выдохнула:

– Ну что там говорить, без него очень плохо...

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Миша Майский

Игнат Солженицын